

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

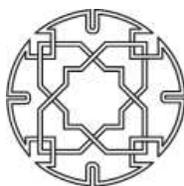

Москва 2020

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ ИСЛАМСКОГО МИРА

Ответственный редактор серии
академик РАН
А.В. Смирнов

Исследования

Том 12

РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ В ИСЛАМСКОЙ МЫСЛИ И ИСТОРИИ

Сборник статей

Ответственный редактор тома
кандидат философских наук
Ю.Е. Федорова

Москва 2020

УДК 28:008-027.21

ББК 86.38+71.0

Р 32

*Издание подготовлено при поддержке
Фонда исследований исламской культуры
имени Ибн Сины*

*Книга написана на основе докладов,
представленных 5–6 октября 2017 г. на конференции
«Революция и эволюция в исламской мысли и истории»,
организованной Институтом философии РАН
и Фондом исследований исламской культуры*

Рецензенты:

докт. филос. наук, проф. Н.С. Кирабаев (РУДН)
канд. филос. наук А.В. Черняев (Институт философии РАН)

Революция и эволюция в исламской мысли и истории: сборник
Р32 статей / отв. ред. Ю.Е. Федорова. М.: ООО «Садра», 2020. — 416 с.:
илл. — (Философская мысль исламского мира: Исследования. Т. 12.)

ISBN 987-5-907041-42-4

DOI: 10.21146/987-5-907041-42-4

16+

В сборнике представлены работы, исследующие характерные для исламской культуры когнитивные модели и теоретические механизмы, отвечающие за революционные и эволюционные трансформации, показана логика их функционирования. Проведено исследование логики осмысления революции и эволюции. Показано, как дискурс, акцентирующий эти понятия, определяет развитие теоретических представлений в различных областях исламской культуры (вероучение, философия, право, поэзия, история, искусство). Выявлены механизмы устойчивого воспроизводства и обеспечения преемственности исламской культуры, представлен анализ ее динамики.

УДК 28:008-027.21

ББК 86.38+71.0

ISBN 978-5-907041-42-4

9 785907 041424

© Институт философии РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Фонд Ибн Сины, 2020

© ООО «Садра», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора.....	9
----------------------------	---

Часть I Философия и революция

<i>Е.А. Фролова.</i> Революции в свете исторического опыта арабских стран.....	15
<i>Ф.О. Нофал.</i> «Исламский экзистенциализм» ‘А. ал-Джубрāна как манифест современного арабского религиозно-философского «революционизма».....	23
<i>Ю.Е. Федорова.</i> Монотеистическая идеология Муртазы Мутаххарй: революция или эволюция?.....	39
<i>И.Р. Насыров.</i> Взгляды Заки Валиди Тогана на социальную динамику исламского Востока.....	54
<i>К.Ю. Бурмистров.</i> Еврейские мессианские движения в Османской империи (XVII–XX вв.): исторический контекст и революционные изменения.....	72

Часть II Культура: революция и эволюция

<i>Т.Х. Стародуб.</i> Приспособление или усвоение? Пути стилевого развития изобразительного искусства Арабского халифата.....	95
<i>М.Л. Рейснер.</i> Древнеиранские концепты и топосы в персидской классической поэзии (к проблеме культурной преемственности).....	116
<i>В.А. Дроздов.</i> Иранский суфизм как отражение национальной идентичности.....	136
<i>А.А. Лукашев.</i> «Я — Истина» Мансӯра ал-Ҳаллāджа в понимании Шабистарй и Иқбāла.....	160

<i>Н.И. Пригарина, Л.А. Васильева.</i> Революция в философии и поэзии Мухаммада Иқбала (опыт когнитивно-дискурсивного анализа).....	175
<i>Л.Г. Лахути, Н.Ю. Чалисова.</i> Классика и революция: поэма Абулькасима Лахути «Повесть о розе».....	211

Часть III

Философия и религия: опыт Ирана

<i>Абдольхосейн Хосроупанах.</i> Эволюция усӯл ал-фиқх в истории шиитской мысли.....	249
<i>Сеййид Джавад Мири.</i> Религия в современном иранском обществе: размышление об отличиях общепринятого и секулярного.....	287
<i>Голамреза Аавани.</i> Мусульманские философы, повлиявшие на развитие фундаментальных идей мировой философии: краткий обзор основных концепций.....	301
<i>Махди Абдоллахи.</i> От Афин до Кума: пути развития философии в русле рациональной шиитской мысли.....	338
<i>Т.Г. Корнеева.</i> Становление персоязычной философской терминологии: эволюция или революция?.....	374
<i>Р.В. Псху.</i> Ведантистские корни обоснования С.Х. Насром роли ислама в современном мире.....	391

TABLE OF CONTENTS

Editor's Preface.....	9
-----------------------	---

I

Philosophy and Revolution

<i>Evgenia A. Frolova.</i> Revolutions in the Light of the Historical Experience of the Arab Countries.....	15
<i>Faris O. Nofal.</i> “Islamic Existentialism” of ‘A. al-Djubrān as a Contemporary Religious and Philosophical “Revolutionism” Manifest.....	23
<i>Yulia E. Fedorova.</i> Murtazā Muṭahharī’s Monotheistic Ideology: Revolution or Evolution?.....	39
<i>Ilshat R. Nasyrov.</i> Zaki Validi Togan on Social Dynamics in the Islamic East.....	54
<i>Konstantin Yu. Burmistrov.</i> Jewish Messianism in the Ottoman Empire from the 17 th to the 20 th centuries: Historical Context and Revolutionary Transformations.....	72

II

Revolution and Evolution: the Cultural Context

<i>Tatiana Kh. Starodub.</i> The Adaptation or the Adoption? Style Development Trends of Fine Arts during the Umayyad and the Early Abbasid Caliphates.....	95
<i>Marina L. Reysner.</i> Ancient Iranian Concepts and Toposes in Persian Classic Poetry (the Problem of Cultural Succession)....	116
<i>Vladimir A. Drozdov.</i> Iranian Sufism as a Reflection of National Identity.....	136
<i>Andrey A. Lukashev.</i> “I am the Truth”: Maḥmūd Shabistārī and Muḥammad Iqbāl’s Points of View.....	160

<i>Natalia I. Prigarina, Ludmila A. Vasilyeva. Revolution in the Philosophy and Poetry of Muḥammad Iqbāl (an Experience of Cognitive-Discursive Analysis).....</i>	175
<i>Leyla G. Lahuti, Natalia Yu. Chalisova. Classic and Revolution: Abu'l-Qasem Lahuti's Poem "The Story of a Rose"</i>	211

III

Philosophy and Religion: Iran's Experience

<i>Abdolhosein Hosrovpanah. Evolution of uṣūl al-fiqh in the History of Shi'a Thought.....</i>	249
<i>Seyyid Jawad Miri. Religion in Modern Iranian Society: Reflection on differences Commonly Accepted and Secular.....</i>	287
<i>Golamreza Aavani. Muslim Philosophers and Their Impact on the Development of the Fundamental Ideas of World Philosophy: a Brief Overview of the Basic Concepts.....</i>	301
<i>Mahdi Abdollahi. From Athens to Qum: the Development of Philosophy in the Line with Rational Shi'a Thought.....</i>	338
<i>Tatyana G. Korneeva. Formation of Persian Philosophical Language: Revolution or Evolution?.....</i>	374
<i>Ruzana V. Pskhu. Vedantic Roots of Nasr's Argumentation for the Role of Islam in the Contemporary World.....</i>	391

ЧАСТЬ III
ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ:
ОПЫТ ИРАНА

Т.Г. Корнеева

СТАНОВЛЕНИЕ ПЕРСОЯЗЫЧНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования персоязычной философской терминологии. Автор предпринимает попытку ответить на вопрос: был ли этот процесс эволюционным или революционным. В статье приведен краткий исторический экскурс в историю становления новоперсидского языка, рассмотрены этапы становления литературы на новоперсидском языке. Дается обзор сочинений арабо-мусульманских философов, написанных на персидском языке, рассматриваются взгляды персидских мыслителей и современных востоковедов на персидский язык как язык философии и науки. В заключение рассмотрен вопрос о характере процесса становления персоязычной философской лексики, выявлена специфика формирования философской терминологии на персидском языке.

Ключевые слова: арабо-мусульманская философия, философская терминология, персидский язык, перевод, фалсафа, исмаилизм, суфизм, ишракизм.

Татьяна Георгиевна Корнеева — кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт философии РАН; e-mail: tankorney@gmail.com

Персоязычная философия развивалась в рамках арабо-мусульманской философской традиции. Изначально языком арабо-мусульманской философии был арабский — сакральный, по мнению мусульман, язык, на котором был ниспослан Коран. Арабо-мусульманская философия стала результатом рефлексии мыслителей, которые стремились разрешить проблемы в других областях: сформулировать положения фикха, объяснить противоречия в тексте Корана, выработать этические установки и т.д. Арабский язык развивался параллельно исламским наукам (хадисоведение, комментирование Корана, фикх), а потому появление новой лексики, новых значений у общеизвестных слов протекало естественным путем. Ситуация изменилась, когда начали активно

переводить сочинения греческих философов, которые изобиловали специальной терминологией и понятиями, ранее не существовавшими в зарождающейся арабо-мусульманской философской мысли. Теме усвоения арабо-мусульманскими философами греческой мудрости и проблеме новой лексики посвящена не одна работа¹.

Большой вклад в развитие арабо-мусульманской философии внесли персидские мыслители, которые писали не только на арабском, но и на персидском языке, и столкнулись с необходимостью перевода арабских терминов на персидский язык. В данной статье мы проанализируем процесс становления персоязычной философской терминологии и постараемся ответить на вопрос, был ли этот процесс эволюционным или революционным по своему характеру. Но сначала необходимо понять, что представлял собой персидский язык в период расцвета классической арабо-мусульманской философии в период с IX по XII в.² Речь об этом пойдет в первой части этой статьи.

Во второй части будет проанализирован процесс становления персоязычной философской терминологии. Мы подробно остановимся на сочинениях тех мыслителей, которые писали на персидском языке. Следует оговориться, что анализ суфийской персидской поэзии не входит в рамки данной статьи по нескольким причинам. Во-первых, объем этой работы не позволяет всесторонне проанализировать лексику произведений таких выдающихся поэтов-суфиев, как, Санāй (1080–1131), Фарйд ад-Дйн ‘Атṭār (1145–1221), Джалāl ад-Дйн Рӯмӣ (1207–1273), Махмӯд Шабистарӣ (1288–1340) и др. Во-вторых, сочинения поэтов-мистиков отличаются метафоричностью образов и слабо выраженной, неявной категориальной системой (хотя попытки реконструировать категориальные системы в поэтических произведениях предпринимаются, см., например, работы А.А. Лукашева и Ю.Е. Федоровой³). Кроме того, за рамками нашего исследования остались прозаические философские притчи, например, «Послания о птицах» (*Рисāлат ат-ṭайр*) Ибн Сīны (980–1037) в персидском переводе Шихāб ад-Дйна ас-Сухравардӣ (1155–1191) и «Язык муравьев» (*Луғат-и мурāн*) самого Шихāб ад-Дйна ас-Сухравардӣ. Таким

¹ См., например: [Афнан 1964; Д’Анкаона 2011; Шехади 1982; Гойшон 1938; Грэхем 1965; Смирнов 1998] и др.

² Именно этот период, по мнению Н.С. Кирабаева, «может рассматриваться и интерпретироваться как классика в истории мусульманской философии» [Кирабаев 2011: 86].

³ См., например: [Лукашев 2013; 2015; 2017; Федорова 2013; 2015; 2017].

образом, в качестве материала для анализа мы выбрали философские прозаические тексты доктринально-дидактического характера, с ясно выраженной категориальной системой и единой терминологией. В заключении я постараюсь ответить на вопрос, вынесенный в заглавие этой статьи.

При написании этой статьи передо мной встало несколько проблем, которые я считаю необходимым осветить в самом начале. Первая проблема состоит в том, что нет общих исследований, посвященных вопросу развития философской лексики на персидском языке, статистических данных, которые бы ясно показали, как менялось соотношение персидской лексики к арабской из века в век. Оценка «персоязычия» философа и его вклада в развитие философской терминологии зависит от исследователя, который изучает творчество мыслителя, и иногда при оценке одного и того же сочинения ученые могут сделать диаметрально противоположные выводы⁴. Вторая проблема, которая является следствием первой, — невозможность охватить и самостоятельно проанализировать весь корпус философских сочинений на персидском языке. По этой причине я обращалась к исследованиям, посвященным тому или иному философу, и старалась собрать мнения относительно стиля и лексики сочинений, написанных на персидском языке. Возможно, картина становления персидской философской терминологии, которую я представляю в этой статье, покажется неполной. Несомненно, что эта тема требует более глубокого и детального изучения.

История становления новоперсидского языка

В результате арабских завоеваний на территории бывшей Сасанидской империи зороастризм уступил место исламу, а арабский язык стал языком администрации и образованной части общества. Довольно скоро арабский язык вытеснил среднеперсидский в качестве литературного языка, однако соперничество номинально еще сохранялось на юге страны, где продолжали существовать зороастрийские общины, в которых велась работа по сохранению старых и написанию новых зороастрийских текстов на пехлеви. И хотя зороастрий-

⁴ Например, противоположных точек зрения на персоязычный философский трактат Ибн Сйны *Дāниш-нāма* придерживаются С.Х. Наср, с одной стороны, и В. Лившиц и Л. Смирнова. Подробнее об этом будет сказано далее.

цы продолжали использовать письменность пехлеви вплоть до XI в. [Афшар 2009: 324], однако эти тексты не получили широкого распространения. Таким образом, среднеперсидский язык сохранился лишь в своей устной форме и со временем трансформировался в новоперсидский язык, который в то время назывался *дарī* или *nārsī-yī darī*.

Развитие новоперсидского языка неразрывно связано с процессом исламизации региона. Новоперсидский язык сначала стал «разговорным» *lingua franca* всех слоев общества завоеванных территорий бывшего Сасанидского государства, соответственно, наибольшее развитие получила социально-бытовая лексика. Понятия, относящиеся к таким областям, как религия и наука, были заимствованы из арабского языка, «письменного» *lingua franca*. Кроме того, персы заимствовали арабскую графику и адаптировали ее под нужды фонетики новоперсидского языка. Что же касается лексики, то персидский язык активно впитывал арабскую терминологию, а также адаптировал исконно персидские слова для выражения понятий, связанных с религией. Кроме того, персидская форма сложного глагола, который состоит из именной первой части и вспомогательного глагола (*кардан* «делать» или *шудан* «становиться»), позволяла естественно и в соответствии с правилами встраивать в новоперсидский язык арабские слова и грамматические формы.

Начало развитию новоперсидского языка (далее мы будем называть его просто «персидский») было положено поэтами. В анонимном сочинении IX в. «История Систана» (*Tāriḫ-i Sīstān*) сказано, что первым, кто сложил стихи на персидском языке, был Мухаммад ибн Ваṣиф Саджзй. В честь возвращения из удачного похода Йа'куба ибн Лайса (ум. 879), основателя династии Саффаридов, прочли стихи на арабском языке:

Когда стихи прочли, Йакуб — а он был неуч — не понял их. [При этом] присутствовал Мухаммад б. Васиф. Он был дабиром (секретарь, письмоводитель. — Т.К.) посольского дивана (зд. Департамент. — Т.К.) и хорошо знал грамоту. В то время персидской письменности не существовало. Тогда Йакуб сказал: «Зачем говорить то, чего я не разумею?» После того Мухаммад б. Васиф и начал сочинять персидские стихи и был первым среди неарабов, сочинившим персидские стихи. До него никто не сочинял, ибо, пока были персы (домусульманские иранцы. — Л.С.), стихи у них распевали под арфу на мелодию хусравани (название песни, исполнявшейся в царском

присутствии. — Л.С.). Когда же персы были исторгнуты и пришли арабы, то среди них, [персов], распространились стихи на арабском языке, и все знали арабские стихи [*Тāрих-и Сйстāн*: 211–212].

Как бы то ни было, ученые склонны считать, что именно в IX в. началось становление литературного персидского языка и начался этот процесс в области поэзии. С IX по XI в. происходит подъем персидского языка, он перестает быть языком необразованных масс и становится языком интеллектуалов при дворе [Лазар 1975: 606]. В результате развития литературы появилась единая норма персидского языка, прежде существовавшего в форме местных диалектов в регионах Персии.

Династия Саманидов (819–999) покровительствовала развитию наук и искусств, а Самарканд и Бухара стали центрами развития персидской литературы. Распространение сформировавшейся при дворе нормы персидского языка шло с востока страны на запад. Первый словарь персидского языка *Луғат-и фурс* был написан 'Асадӣ Тӯсӣ (ок. 1010 — ок. 1080). В нем объяснялись выражения новоперсидского языка для западных иранцев и приводились примеры из поэзии. Нāсир Хусрав в сочинении *Сафар-нāма* писал о своей встрече в 1046 г. с поэтом Қатрāном Табрӣзӣ (ум. после 1072), который, хотя сам был иранцем, плохо понимал персидский:

В Тавризe я встретил поэта по имени Катран. Он писал прекрасные стихи, но персидского языка хорошенько не знал. Он пришел ко мне, принес с собой диваны⁵ Менджика⁶ и Дакики⁷, прочел их и попросил разъяснить трудные места. Я разъяснил ему, и он записал эти объяснения [Насир Хусрав 1933: 37–38].

Персидский язык довольно скоро стал признанным языком поэзии, однако в области прозы, особенно научной, он развивался не так быстро. До XI в. персоязычные прозаические произведения немногочисленны, и в основном это были переводы с арабского языка.

⁵ Диван — сборник поэтических произведений.

⁶ Поэт, выступавший при дворе Махмұда Ғазнавида (971–1030).

⁷ Дақйқӣ (ум. между 977–981) — персидский поэт при дворе саманида Нұха II ибн Мансұра (977–997). Он первый задумал переложить на стихи историю доисламского Ирана. Дақйқӣ успел написать около тысячи бейтов, но был убит собственным рабом.

Так, в 963 г. 'Абӯ 'Али Бала'мӣ, визирь при эмире Мансӯре I ибн Нӯхе (961–976), перевел на персидский язык сочинение «История пророков и царей» (*Tārīḫ ar-rusūl wa-l-mulūk*) арабского ученого ат-Ṭабарӣ (839–923). Кроме того, по приказу вышеупомянутого Мансӯра I ибн Нӯха группой ученых был переведен *Тафсӣр* ат-Ṭабарӣ. Этот перевод привлекает наше особое внимание потому, что, по сути, оно содержит первый перевод Корана на персидский язык. Благодаря этому переводу стало возможным говорить и писать на религиозные темы не на арабском, по мнению мусульман, сакральном языке, а на персидском языке.

Переводились трактаты по медицине и астрономии. Известно, что 'Абӯ Бакр Аҳваинӣ, ученик 'Абӯ Закарии ар-Рāзӣ (ок. 865 — ок. 925), написал трактат по медицине «Указание учащимся» (*Хидāйат ал-мута'аллимӣн*), а перу 'Абӯ Мансӯра Муваффақа из Герата принадлежит персидский трактат «Книга основ фармакологии» (*Китāб ал-абнийя 'ан ҳақā'иқ ал-адвийā*). Область астрономии и астрологии представлена двумя работами: «Введение в науку о звездах» (*Китāб ал-мудхал илā 'илм аҳкām ан-нуджӯм*) 975/976 г. 'Абӯ Насра Қумӣ и «Книга по изучению начал искусства астрономии» (*Китāб ат-тафхӣм ли авā'ил сина'ат ат-танджӯм*) 1028/1029 г. Бйрӯнӣ (973–1048). Обе работы — перевод с арабского языка [Лазар 1975: 629–630].

Как отмечает Ж. Лазар, многие персидские изложения арабоязычных сочинений снабжались вступлением переводчика, в котором объяснялись причины, по которым был сделан перевод этого сочинения [Там же: 630]. Пусть переводы были не столь многочисленны, однако они охватывали многие области знаний. Это свидетельствует о том, что в Иране существовала довольно большая прослойка общества, заинтересованная в знаниях, но не владевшая арабским языком на должном уровне (в том числе и правящая династия Саманидов). Таким образом, мы можем говорить о попытке сформировать корпус научных прозаических текстов на персидском языке, однако в отличие от поэзии в области прозы персидский язык рассматривался как вторичный по отношению к арабскому.

Персидский язык как язык философии

В основе образования философской научной терминологии в сочинениях IX–XI вв. лежат пять принципов: 1) использование общеупотребительной лексики и терминов для обозначения философских

понятий (*андиша* «мысль», *афридгār* «творец», *дāниш* «знание»); 2) терминологизация общеупотребительных слов (*бӯдиш* «бытие», *х^{ав}ст* «воля», *чандī* «количество»); 3) создание новых философских терминов с использованием исконных и заимствованных слов (*хай-ӯлā-йи нахустīн* «первоматерия», *джунбиш-пазīр* «способный двигаться»); 4) калькированный перевод арабских философских терминов (*джāн-и суҳангӯй* — *ан-нафс ан-нāтиқа* «душа разумная»); 5) заимствование философской терминологии [Султонов 2008: 182–183].

Начало развитию персидского языка как языка философии положил 'Абӯ 'Али Ибн Сīнā (980–1037).

Ибн Сīнā родился в Афшане, недалеко от Бухары, был персом по происхождению. Ибн Сīнā был выдающимся мыслителем, философом и врачом своего времени. Он изучал переводы трудов греческих ученых и комментарии на них арабских мыслителей, писал сочинения по многим отраслям знания и вел переписку с ученым-энциклопедистом Бирӯнī (937–1048). Научное наследие Ибн Сīны охватывает многие области: медицину, математику, музыку, поэзию, философию и т.д. Однако наше внимание привлекает его трактат «Книга мудрости» (*Дāниш-нāма*), написанный в 1024–1037 гг. для 'Алā' ад-Даула Муҳаммада Кākӯида (1006–1041) [Ибн Сина: 2016]. Особенность этого трактата в том, что это первое философское сочинение, написанное на персидском языке. Чтобы выразить понятия арабо-мусульманской философии на персидском языке, Ибн Сīнā применил метод калькирования арабских терминов, специализировал значения общеизвестных слов, а также при словообразовании использовал грамматические возможности персидского языка. Ибн Сīнā придавал уже имеющимся в персидском языке словам новое терминологическое значение. Это могли быть и глаголы (например, инфинитив персидского глагола *гушāдан* «открывать, раскрывать, развязывать» приобрел значение «решение», что соответствует арабскому термину *ҳалл*), и существительные (перс. *кинār* «край, берег» — араб. *тараф* «край, крайний термин (силлогизма), крайний член (ряда)»), и прилагательные (перс. *барāбар* «равный, парный, противоположный» — араб. 'акс «отражение (лучей)», *мутақāбил* «взаимно противоположащее»).

Последователем Ибн Сīны в деле развития персоязычной философской терминологии стал Нāсир Хусрав (1004–1074), исмаилитский философ, поэт и проповедник. До наших дней дошли только персоязычные трактаты его авторства: «Свод двух мудростей» (*Джām'*

ал-хикматайн), «Трапеза братьев» (*Х̄ān ал-ихв̄ān*), «Раскрытие и освобождение» (*Гушайиши ва рах̄айиши*), «Шесть глав» (*Шиши фаҗл*), «Лик веры» (*Ваджх-и д̄йн*), «Припас путешественников» (*Зад ал-мус̄аф-рӣн*). Нāсир Х̄усрав стремился заменить арабские термины их персидскими эквивалентами, создавал новые термины и специализировал значение уже существующих слов. Например, исследователи отмечают, что произведения Нāсира Х̄усрава сложны для изучения как раз потому, что количество арабских терминов в них минимально.

Помимо вышеперечисленных трактатов, сам Нāсир Х̄усрав упоминал ряд своих арабоязычных работ, которые до сего момента не обнаружены. Эрудиция и образованность исмаилитского философа не позволяют объяснить отсутствие среди имеющихся работ произведений на арабском языке посредственным знанием языка науки и культуры того времени. Среди ученых-востоковедов приняты два объяснения этого феномена. Первое принимает во внимание целевую аудиторию исмаилитского проповедника. Нāсир Х̄усрав сочинял свои поэтические произведения и философские трактаты для жителей Памира, которые не владели в совершенстве арабским языком. Второе объяснение отсутствия работ на арабском языке связано с историей самого исмаилитского течения. В 1094 г. произошел раскол внутри исмаилитской общины, разделивший исмаилитов на два лагеря: исмаилитов-низаритов и исмаилитов-мусталитов. Главой исмаилитов-низаритов стал Х̄асан аҗ-Ғаббāх (ум. 1124); центром независимого призыва (*да'ва*) низаритов стала горная крепость Аламут в Северной Персии. Исмаилиты-низариты стремились развить свое учение, оказывали покровительство ученым разных школ и направлений, собирали значительные коллекции книг. В 1256–1257 гг. крепости низаритского государства были сданы татаро-монголам и уничтожены. Часть собранных книг была спасена исмаилитами и сочувствовавшими им и на протяжении веков хранилась в домах и частных библиотеках. Поскольку исмаилиты-низариты в большинстве своем были персами, то в первую очередь они стремились сохранить те работы, которые были написаны на персидском языке. Интересно отметить, что среди исмаилитов Памира и Читрала арабский язык уступил место сакрального языка персидскому, который на протяжении столетий служил языком культа [Фрагнер: 47].

Другим выдающимся исмаилитским философом, писавшим на персидском языке, был Нāсир ад-Д̄йн Т̄ус̄й (1201–1274), известный математик и астроном. Нāсир ад-Д̄йн был шиитом-двунадесятником, но

около 1227 г. он поступил на службу к Наṣӣр ад-Дйну ‘Абд ар-Раḫӣму ибн ‘Абӣ Манṣӯру (ум. 1257), верховному *дә‘у*⁸ Северной Персии. Около 30 лет Наṣӣр ад-Дйн Тӯсӣ провел в крепостях исмаилитов-низаритов в Кухистане, и в течение этого времени написал много работ по астрономии, математике, философии, музыке и другим наукам⁹. До наших дней дошло множество его трудов, в том числе и на персидском языке. Среди его философских сочинений отдельно стоит выделить комментированный перевод с арабского «Китāб ат-ṭаḫāра» ‘Абӯ ‘Алӣ Аḫмада Мискавайха, который был закончен в 1235 г. и стал известен как «Насирова этика» (*Аḫлāқ-и Нāсирӣ*) и трактат «Луга смирения», 1243 г. (*Равдат ат-таслӣм*), в котором изложена философия исмаилитов-низаритов аламутского периода. Стиль сочинений Наṣӣр ад-Дйна Тӯсӣ различается в зависимости от периода жизни: в исмаилитский период он писал на «чистом персидском» и старался подражать ранним исмаилитским авторам, а после монгольского завоевания в 1256 г., став астрологом при дворе монгольского ильхана Хулāгӯ (1217–1265), он, хотя и продолжал писать на персидском, предпочитал использовать арабскую терминологию.

Кроме исмаилитов большой вклад в развитие персоязычной философской терминологии внесли теоретики суфизма. ‘Абӯ Ḥāмид Муḫаммад ал-Ғазālӣ (1058–1111) родился в Тусе, учился в Нишапуре. Его перу принадлежат несколько трактатов на персидском языке. Самым важным можно назвать четырехтомное сочинение «Әликсир счастья» (*Кимийа’-и са āдат*), которое по сути является упрощенным и сокращенным вариантом арабского трактата ал-Ғазālӣ «Воскрешение религиозных наук» (*Иḫйа’ ‘улӯм ад-дйн*). «Путевой припас для грядущей жизни» (*Зāд-и āхират*) также является переложением на персидский язык арабоязычного сочинения ал-Ғазālӣ «Начало наставления на истинный путь» (*Бидāйат ал-хидāйа*).

‘Аḫмад ибн Муḫаммад ал-Ғазālӣ (ум. 1126), младший брат ‘Абӯ Ḥāмид Муḫаммад ал-Ғазālӣ, выдающийся суфий и философ, писал свои сочинения как на арабском, так и на персидском языках. К его персоязычным сочинениям относятся «Море истины» (*Баḫр ал-ḫақиқа*),

⁸ Дә‘й — «призывающий, проповедник», миссионер, ответственный за распространение исмаилизма путем привлечения годных новообращенных и обучение их исмаилитской доктрине.

⁹ Подробнее см.: [Дафтари: 2006].

«Трактат о птицах» (*Рисāла ат-туййūr*), «Трактат 'айнийя» (*Рисāла-йи 'айнийя*), «Письма Аҳмада Ғазālӣ» (*Нāмахā-йи Аҳмад Ғазālӣ*), «Книга совета» (*Вақийат-нāма*), «Беседа о духе» (*Мақāла-йи рӯх*), и «Откровения о любви» (*Савāних фӣ-л-'ушқ*) [Дроздов 2015: 54]. Последнее из перечисленных сочинений оказало огромное влияние на дальнейшее развитие жанровой формы *'ушқ-нāма* («Книга любви») — прозаические трактаты и поэмы на тему мистической любви к Богу.

'Аҳмад ал-Ғазālӣ стал примером и духовным наставником для Шихāб ад-Дйна ас-Сухравардӣ (1155–1191) — основоположника философии озарения (*хикмат ал-'ушрақ*). Шихāб ад-Дйн Йаҳйā ас-Сухравардӣ родился в деревне Сухравард в северо-западной Персии, обучался в Мараге и Исфакане, его авторству принадлежат более 50 работ на арабском и персидском языках. В своем трактате о мистической любви «Друг влюбленных» (*Му'нис ал-'ушишāқ*), прекрасном образце персидской прозы, Сухравардӣ раскрывает смысл теории эманации, используя коранический рассказ об Иосифе и наполняя его новым смыслом.

Таким образом, мы видим, что персоязычная философская терминология развивалась благодаря представителям разных течений арабомусульманской философии.

Как уже было сказано, персидский язык развивался и активно заимствовал лексику из арабского языка, письменного языка науки и философии. Смог ли персидский язык сравняться с арабским языком в этих областях? Обратимся к свидетельствам, которые оставили сами философы и ученые, а также к мнению современных ученых-востоковедов.

Саййид Х. Наср (р. 1933), иранский философ и специалист по суфизму, считал, что попытка Ибн Сйны заменить арабские термины персидскими была «столь же неудачной, как если бы кто-либо стал писать философское сочинение на английском языке, не употребляя при этом слов латинского происхождения... Попытка Ибн Сины хотя и была героической, но отодвинула на два столетия применение персидского языка как научного языка (*as a serious language*) для философии» [Наср 1996: 157]. В. Лившиц и Л. Смирнова, напротив, отмечали, что «терминологический аппарат "Дāниш-нāма" служил образцом для Насир-и Хусрау, Газали, Насир ад-Дина Туси, Кашани, которые восприняли многие термины Ибн Сины и создали по их образцам ряд новых» [Лившиц, Смирнова 1981: 115]. В своем стремлении писать

на персидском языке Ибн Сйна и Нāсир Хусрав пренебрегали красотой слога и стиля. Несомненно, что на язык Нāсира Хусрава оказало влияние творчество Ибн Сйны. Возможно, это связано с принадлежностью и Нāсира Хусрава, и Ибн Сйны к исмаилизму¹⁰. Ученые отмечают, что прозаические труды этих двух философов довольно сухи и сложны для чтения. С.Х. Наср считал, что философская терминология, разработанная Нāсиром Хусравом, не прижилась потому, что он был исмаилитом [Наср 1996: 157]. А.Е. Бертельс отмечал оригинальность терминологического аппарата Нāсира Хусрава и, как и С.Х. Наср, полагал, что нераспространенность терминологии, разработанной Нāсиром Хусравом, связана с исмаилитскими взглядами философа [Гафуров, Мирзоев (ред.) 1970: 78].

Что же касается стиля сочинений Нāсира Хусрава, то долгие годы шли споры даже относительно оценки его поэтических произведений. Е.Э. Бертельс в статье «Насир-и Хусрау и его взгляд на поэзию» писал, что итальянский ученый И. Пицци в «Истории персидской поэзии» (Турин, 1894) отказался писать о *диване* Нāсира Хусрава, поскольку тот лишен какой-либо поэтической ценности [Бертельс 1988: 314]. Мнения И. Пицци придерживался и В.А. Иванов — выдающийся востоковед-иранист, всемирно признанный знаток исмаилитского движения, который заложил своими трудами прочную научную базу исследования истории и философии исмаилизма. Сам Е.Э. Бертельс отказывает Нāсиру Хусраву в «песенности» стиха; безразличие поэта к благозвучию он объясняет ориентированностью стиха Нāсира Хусрава на чтение, иначе говоря, обращением поэта не столько к чувству, сколько к разуму читателя [Там же: 322].

Более поздние авторы уделяли больше внимания красоте письма, например, Бāбā Афдал ад-Дйн Кāшāнй (ум. 1213/1214). Он оставил после себя оригинальную поэзию и прозу на персидском, а также выполнил ряд переводов трудов греческих ученых с арабского языка. Кто он был по вероисповеданию — точно неизвестно, по одной версии — исмаилит, согласно другой — суфий, а третья гласит, что он был шиит. Писал Бāбā Афдал на персидском языке, большое внимание уделял стилистике своих работ, не пренебрегал арабскими

¹⁰ Хотя нет прямых свидетельств того, что Ибн Сина был исмаилитом, однако по косвенным признакам можно предположить, что он симпатизировал исмаилитскому учению. Ибн Сина упоминается в числе исмаилитских авторов у Е.Э. Бертельса (см.: [Бертельс Е. 1988а: 250]) и Ж. Лазара (см.: [Лазар 1975: 631]).

терминами там, где они были необходимы для ясности. Как отметил В. Читтик, «Бābā Афдал использует много персидских слов тогда, когда другие использовали бы арабские, но в отличие от Ибн Сйна он выбирает только приятные и улаждающие слух термины, делая чтение своих работ наслаждением» [Читтик 1988].

В предисловии к трактату *Кимийа'-и са'адат* ал-Ғазālī пишет: «Цель этой книги — обыватели (*'авāмм-и халқ*), попросившие осмысления по-персидски. И речь не может выйти за границу их понимания», а сочинение *Зād-и āхират* он предваряет следующим образом: «Итак, мы сочинили эту кратенькую книжку, назвав ее “Путевой припас для грядущей жизни” (*Зād-и āхират*), потому что кое-кто из религиозных людей попросил ее для тех обывателей (*ха-умӣ аз 'авāмм*), которым не осилить книги *Иҳйа' 'улӯм* и *Кимийа'-и са'адат*. Однако им достаточно того объема, в котором мы рассказали об этом по-арабски в *Бидāйат ал-хидāйа*. Они хотели бы, чтобы с книгой *Бидāйат* познакомились персы и благодаря ей узнали про путь богобоязненности» [Хисматулин 2017: 14–15]. Из приведенных цитат можно сделать вывод, что ал-Ғазālī рассматривал свои персоязычные сочинения как «облегченный» вариант арабоязычных трактатов, «подготовку» к более сложным, но более полноценным работам.

Итак, на основании представленных взглядов как самих философов, так и современных ученых мы можем сказать, что создание персоязычной философской терминологии было продиктовано желанием популяризировать те или иные идеи, разъяснить то, что более полно и структурированно уже было написано на арабском языке. С этой целью на персидском языке писали Ибн Сйна, Нāсир Хусрав, 'Ахмад ал-Ғазālī, Шихāб ад-Дйн Йаҳйā ас-Сухравардī. Однако их главные труды, за исключением сочинений Нāсира Хусрава, были написаны на арабском языке с использованием арабоязычной философской терминологии.

Существовала и другая точка зрения, согласно которой писать научные и философские труды на персидском языке — занятие бесполезное и неблагодарное. Ж. Лазар цитирует отрывок из сочинения Шахмардāна ибн 'Абй-л-Ғайр Рāзй (XI–XII вв.) «Сад астрономов» (*Равдат ал-мунаджжимйн*) 1073/74 г.: «“Самое удивительное, что когда они пишут книгу на персидском языке, то они утверждают, что используют этот язык для того, чтобы те, кто не знает арабского языка, могли ею воспользоваться. Но они прибегают к словам чисто-

го персидского языка (*дарī-йи вижā-и муṭлақ*), которые сложнее арабских. Если бы они применяли слова, используемые в настоящее время, их было бы легче понять”. Он (Шахмардāн Рāзй. — Т.К.) добавляет, что сам использует только обычные слова, то есть арабские, которые любой может выучить за пять дней» [Лазар 1975: 632]. С этой же позиции С.Х. Наср дает оценку персоязычной терминологии Ибн Сйны. Персоязычная философская терминология оказалась слишком сложна для восприятия, так как уже существовал и успешно функционировал арабоязычный философский терминологический аппарат. Арабоязычная терминология вошла в словарь персидского языка и была адаптирована в соответствии с грамматикой персидского языка. Так появились и прижились сложные глаголы, первая часть которых состоит из арабского слова или грамматической формы, и парные выражения, в которых вместе с арабским термином идет его персидский аналог.

Заключение

Период расцвета персидской философской терминологии пришелся на XI–XII вв., когда выдающиеся представители разных философских течений создали ряд трактатов на новоперсидском языке. Однако новоперсидский язык был еще очень молод и не был способен полностью заменить арабский в области науки и философии. Образование терминов на персидском языке шло разными путями: арабские термины заимствовались в уже сложившемся значении и способе употребления, они переосмыслились в рамках грамматики новоперсидского языка, подбирались персидские аналоги арабским терминам, активно шел процесс словотворчества, придавались новые значения общеизвестным словам. Так или иначе, активное словотворчество обогатило персоязычный философский лексикон. Было ли становление персидской философской терминологии эволюционным или революционным? Мы не можем сказать, что персидская философская терминология эволюционировала естественным путем, развиваясь шаг за шагом, но и нельзя утверждать, что ее развитие произошло в результате внезапного скачка. Терминология на персидском языке складывалась в ускоренном темпе, уровень развития языка не соответствовал уровню развития философской мысли. Естественно, что мыслители обращались за помощью к языку, который развивался *вместе* с арабо-мусульманской философией, т.е. к арабскому. К XI в.

уже существовал довольно развитый арабоязычный философский терминологический аппарат, который соответствовал уровню развития философии. Но и в истории становления арабоязычной философской лексики был период, когда развитие языка не соответствовало уровню философской мысли. Этот период пришелся на IX в., когда в основанном халифом ал-Ма'мун (786–833) «Доме мудрости» (*Bayt al-ḥikma*) начали переводить тексты греческих философов на арабский язык. Арабские переводчики столкнулись с проблемой отсутствия в языке слов, которые бы адекватно выражали понятия греческой философии. В результате переводческой деятельности в арабском языке появились термины, выражавшие ранее не существовавшие и не осмысленные понятия, что стало импульсом для развития собственной арабо-мусульманской философской мысли. Переводчики и мыслители были вынуждены развивать и расширять философскую и научную лексику арабского языка, так как ему не было альтернативы. Когда философы и переводчики столкнулись с той же проблемой в новоперсидском языке, у них уже была альтернатива — терминология на более развитом арабском языке, который был *lingua franca* образованных масс. В своем развитии персоязычная философская терминология опиралась на уже развитую арабоязычную терминологию, что, с одной стороны, значительно упрощало задачу философов и переводчиков, а с другой стороны, не давало возможности развиваться персоязычной философской лексике независимо и самостоятельно.

Литература

- Афнан 1964 — *Afnan S.M.* Philosophical Terminology in Arabic and Persian. Leiden: E.J. Brill. 1964.
- Афшар 2009 — *Afshar I.* Manuscripts in the Domains of the Persian Language // A History of Persian Literature: 18 vol. / Ed. By J.T.P. de Bruijn / A History of Persian Literature: General Introduction to Persian Literature. Vol. I. London: I.B. Tauris, 2009. P. 324–340.
- Бертельс 1988 — *Бертельс Е.* Насир-и Хусрау и его взгляд на поэзию / Е. Э. Бертельс // Избранные труды: История литературы и культуры Ирана. Т. 5. М.: Наука, 1988.
- Гафуров, Мирзоев (ред.) 1970 — Пять философских трактатов на тему «Афак ва анфус»: (о соотношениях между человеком и Вселенной) /

- Критич. текст, указ. и введение в изучение памятника А.Е. Бертельса; под ред. и с предисл. Б.Г. Гафурова и А.М. Мирзоева. М.: Наука, 1970.
- Гойшон 1938 — *Goichon A.-M.* Lexique de la Langue Philosophique d'Ibn Sīnā. Paris: Desclée de Brouwer. 1938.
- Грэхем 1965 — *Graham A.C.* "Being" in Linguistics and Philosophy: A Preliminary Inquiry // *Foundations of Language*. Vol. 1. No. 3 (Aug., 1965). P. 223–231.
- Д'Анкона 2011 — *D'Ancona C.* Platonic and Neoplatonic Terminology for Being in Arabic Translation // *Studia graeco-arabica. The Journal of the Project Greek into Arabic Philosophical Concepts and Linguistic Bridges European Research Council Advanced Grant 249431*. No. 1. 2011. P. 23–46.
- Дафтари 2006 — *Дафтари Ф.* Насир ад-Дин ат-Туси и исмаилиты во времена Аламута / Традиции исмаилизма в средние века: сб. статей / Ф. Дафтари. М.: Ладомир, 2006.
- Дроздов 2015 — *Дроздов В.А.* Мусульманский мистицизм: учебное пособие / В.А. Дроздов, С.-Петерб. гос. ун-т. СПб.: Президентская библиотека, 2015.
- Ибн Сина 2016 — *Ибн Сīnā.* Дāнишнāма-и 'Алāй. Тихрāн: Мўлā, 2016.
- Кирабаев 2011 — *Кирабаев Н.С.* Понятия и проблемы классической арабо-мусульманской философии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. № 4. 2011. С. 80–87.
- Лазар 1975 — *Lazard G.* The Rise of the New Persian Language // *The Cambridge History of Iran*. Vol. 4: The Period from the Arab Invasion to the Saljuqs. Cambridge University Press, 1975. P. 595–632.
- Лившиц, Смирнова 1981 — *Лившиц В.А., Смирнова Л.П.* Язык Данишнама и роль Ибн Сины в развитии персидско-таджикской научной терминологии // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XV годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. III: Доклады и сообщения о творчестве Ибн Сины*. М.: Наука, 1981. С. 115–127.
- Лукашев 2013 — *Лукашев А.А.* Соотношение часть-целое в поэме Махмуда Шабистари «Цветник тайны» // *История философии*. № 18. М.: 2013. С. 211–226.
- Лукашев 2015 — *Лукашев А.А.* Понятия единого и множественного в поэме Махмуда Шабистари «Цветник тайны» // «Рассыпанное» и «собранное»: стратегии организации смыслового пространства в арабо-мусульманской культуре. М., 2015. С. 79–104.
- Лукашев 2017 — *Лукашев А.А.* Творческое наследие Махмуда Шабистари. Философия единобожия // *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*. Т. 13. № 4. 2017. С. 203–218.

- Насир Хусрав 1933 — *Насир Хусрав*. Сафар-наме. Книга путешествий / Пер. Е.Э. Бертельса. М.; Л.: Academia, 1933 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Safar_name/frameset1.htm (дата обращения: 10.11.17).
- Наср 1996 — *Nasr S. The Persian Works of Shaykh Al-Isrāq Shihāb al-Dīn Suhrawardī / Sayyed Hossein Nasr // The Islamic Intellectual Tradition in Persia*. Richmond, Surrey: Curzon Press, 1996.
- Смирнов 1998 — Словарь средневековой арабской философской лексики // Средневековая арабская философия: проблемы и решения. М., Восточная литература, 1998. С. 379–520.
- Султонов 2008 — *Султонов М.Б.* Становление и развитие персидско-таджикской научной терминологии. Душанбе: Дониш, 2008.
- Тарих-и Систан — Тарих-и Систан. История Систана / Пер. с перс., введение Л.П. Смирновой. М.: Наука, 1984 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Sistan/frameset6.htm> (дата обращения: 10.11.17).
- Федорова 2013 — *Федорова Ю.Е.* Понятие истинного пути в философской поэме «Язык птиц» Фарид ад-Дина ‘Аттара // Филология: научные исследования. № 2. 2013. С. 102–108.
- Федорова 2015 — *Федорова Ю.Е.* Маснави Фарид ад-Дина ‘Аттара «Язык птиц» (Мантик ат-тайр): философское прочтение поэтического текста // Философский журнал. Т. 8. № 4. 2015. С. 15–30.
- Федорова 2017 — *Федорова Ю.Е.* Соотношение категорий «явное — скрытое»: иранская стратегия осмысления (на материале поэмы Мантик ат-тайр Фарид ад-Дина ‘Аттара) // Рассыпанное и собранное: когнитивные приемы арабо-мусульманской культуры / Отв. ред. А.В. Смирнов. М.: ООО «Садра»: Издательский дом ЯСК, 2017 (Философская мысль исламского мира: Исследования. Т. 10). С. 221–246.
- Фрагнер — *Фрагнер Б.Г.* «Персофония». Региональность, идентичность, языковые контакты в истории Азии. М.: Фонд Марджани, 2018.
- Хисматулин 2017 — *Хисматулин А.А.* Сочинения имама ал-Газали. СПб.: Петербургское востоковедение; М.: Садра, 2017.
- Читтик 1988 — *Chittick W. BĀBĀ AFẒAL-AL-DĪN / Encyclopaedia Iranica*, III, Fasc. 3, pp. 285–291 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/baba-afzal-al-din> (дата обращения 10.11.17).
- Шехади 1982 — *Shehadi F.* Metaphisic in Islamic Philosophy. Delmar; New York: Caravan Books, 1982.

Formation of Persian Philosophical Language: Revolution or Evolution?

Abstract. The article is devoted to the problem of the formation of Persian philosophical terminology: whether it was evolutionary or revolutionary. The article gives a brief historical digression into the history of the formation of the New Persian language, the stages of the formation of literature in the New Persian language are examined. The author gives an overview of the Persian works of the Arab-Muslim philosophers, brings the views of Persian thinkers and modern orientalists to the Persian language as the language of philosophy and science. In conclusion, the question of the nature of the process of the formation of Persian philosophical vocabulary is considered, the specificity of the formation of philosophical terminology in the Persian language is revealed.

Keywords: Arab-Muslim Philosophy, Philosophical Terminology, Persian, Translation, Falsafa, Ismaili, Sufism, Ishraq.

Tatyana G. Korneeva — PhD in Philosophy, Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; e-mail: tankorney@gmail.com

Научное издание

Серия «Философская мысль исламского мира»

Исследования

Том 12

РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ
В ИСЛАМСКОЙ МЫСЛИ И ИСТОРИИ

Сборник статей

Технический редактор Т.Г. Корнеева
Дизайн обложки Я. Быстровой. Корректор Г. Барышева
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Подписано в печать 13.12.2019. Формат 60х90 1/16.
Гарнитура IPH Astra Serif. Усл. п.л. 26. Тираж 700 экз. Заказ №